

— Ты посмел!

Эмюс резко схватил Скатило за воротник и с силой впечатал его в стальную стену позади. Скатило, казалось, ничуть не смутился, напротив, его улыбка стала лишь шире.

— А что такого? Можешь попробовать, если сомневаешься, посмею я или нет.

В демонических красных глазах Скатило плескалось неприкрытое зло. Да, он определённо сделает это, не считаясь ни с ценой, ни с последствиями. Скатило даже не пришлось ничего делать — он просто склонил голову набок, и Эмюс почувствовал, как перехватывает дыхание. Собеседник не торопился, его голос звучал по-прежнему легко и мягко, но каждое слово ранило в самое сердце.

— Генерал... сейчас вы — пустое место. Вы даже себя защитить не в силах, так неужели сможете помешать мне делать то, что я хочу?

Эмюс не мог помешать. Он прекрасно понимал: Скатило прав. Он — никто, и ничего не может изменить. Он медленно разжал пальцы, его тело напряглось, балансируя на тонкой грани между безумием и самообладанием. Скатило же с невозмутимым видом поправил измятый воротник, и его голос снова прозвучал мягко, но безжалостно:

— Вот именно. Ведите себя тихо, искупайте свою вину, и тогда я, разумеется, не стану трогать невинных насекомых.

Искупать вину? Эти слова звучали до абсурдного нелепо. Но у Эмюса не было выбора. Скатило — безумец, и если всё идет не по его правилам, он действительно способен на любую дикость. Скатило тихо рассмеялся и продолжил:

— Знаете, генерал, ваш ранг двойной S в Грейсе никогда не был оберегом. Эмюс, он лишь делает вас — этим лакомым куском мяса — еще более аппетитным...

Он слегка наклонил голову, изображая почти невинное недоумение, хотя злоба в глубине его глаз была столь густой, что казалась осязаемой.

— Смехотворная защита семьи Эллер была подобна тонкому льду. А теперь лед треснул. Раньше они не решались, опасаясь разозлить старого пса из семьи Эллер, который охранял свою добычу, и боясь, что ваши еще не до конца укрощенные кости сломают им зубы. А теперь?

Скатило развел руками, словно демонстрируя свершившийся факт, как произведение искусства.

— Взгляните, уже нашлись безрассудные дворняги... которые отведали вас.

Он глубоко вдохнул, и остаточный аромат черного чая, переплетенный с нотками туберозы, заставил его довольно прищуриться.

— Се Ижань... Имя такое же необычное, как и он сам.

Говоря это, Скатило неспешно вытянул из внутреннего кармана формы тонкий электронный планшет. Его пальцы несколько раз коснулись экрана, и в тусклом свете проступили холодные строки текста и размытое статичное фото.

— Номер С-3841, класс: D. Происхождение — простолюдин, без значимого семейного бэкграунда. Причина заключения: нападение на аристократа-самца Клиффа Эллера, повлекшее легкие телесные повреждения.

Скатило читал ровным тоном, но в его голосе сквозила странная интонация. Взгляд Эмюса поневоле упал на проекцию. У самца на фото были тусклые светло-каштановые волосы, мутные серо-пепельные глаза, он трусливо прятался от объектива, а лицо его казалось бледным и заурядным. Забитый, вялый. Его черты не имели ничего общего с тем парнем, который прижал его к стене шахты, глядя глазами хищного зверя, с той злобной и дерзкой улыбкой.

В глубине глаз Эмюса промелькнуло мимолетное недоумение, но его тут же поглотил еще более глубокий холод.

— Вторичная дифференциация — поистине самый удивительный фокус Творца.

Голос Скатило прервал его мысли; красные глаза с интересом сравнивали проекцию с едва заметной реакцией на лице Эмюса.

— Изменение феромонов, улучшение физических показателей, даже... полное преобразование внешности. Примеров немало, но чтобы вот так...

Скатило замолчал, проведя пальцем по красивому, агрессивному лицу Се Ижана на проекции. Даже на статичном снимке его темно-зеленые глаза словно излучали ленивый и опасный свет. Это пугало, но одновременно притягивало.

— Переродиться, став совершенно другим существом — такие радикальные изменения встречаются крайне редко.

В его голосе звучало неприкрытое любопытство.

— Даже я не могу удержаться от... интереса к нему.

Он убрал файл, проекция исчезла, и он снова уставился на Эмюса.

— Цы-чуны рождаются с инстинктом тяги к сильным самцам. Это записано в генах, тут ничего не попишешь. Поэтому, Эмюс, твой первый раз, хоть и был насильственным, но если подумать, объект — такой вот, хм, после трансформации просто высший сорт... не так уж ты и проиграл, верно?

Он слегка подался вперед, понизив голос, и в его тоне проскользнуло нечто похожее на одолжение.

— По сравнению с тем, чтобы быть растоптанным отбросами, которые умеют лишь использовать препараты и насилие, это можно назвать даже милостью, не так ли?

— Милостью?

Эмюс резко поднял взгляд, лед в его темно-синих глазах треснул. Он стиснул зубы и сжал кулаки так, что, казалось, вот-вот сорвется и бросится в атаку.

— Скатило, ты просто...

То, что это слово прозвучало из уст Скатило, для Эмюса стало верхом цинизма и святотатства. Скатило лишь тихо рассмеялся.

— Разумеется, — он резко сменил тон, и в красных глазах мгновенно погасла притворная мягкость. — Но не слишком обольщайся, мой дорогой генерал. В таких самцах, как Се Ижань, самой природой заложены беспокойство и жажда захвата. Он пометил тебя лишь из прихоти, решив, что твой вид — когда ты сопротивляешься, но вынужден подчиниться — довольно забавен.

Каждое слово Скатило сочилось холодом.

— Он просто играл с тобой. Как только ему надоест или он найдет более интересную игрушку, ты, словно выплюнутый жмых, из которого высосали всю сладость, будешь выброшен без малейших колебаний. А когда это случится...

Скатило снова одарил Эмюса невинной улыбкой.

— Твое тело, с которым он поиграл и которое бросил, твои губы, которые он попробовал и счел ненужными... Скажи, те самцы, что давно пускали на тебя слюни, те идиоты, которые раньше остерегались семьи Эллер... Они будут наперебой пробовать на вкус генерала, сравнивая тебя с обычными рабынями? Или будут изощряться, ломая тебя до конца, чтобы удовлетворить свои жалкие, извращенные чувства обладания и завоевания?

Скатило причмокнул и, обойдя вокруг Эмюса, добавил:

— Представь эту картину, Эмюс. Я даже... начинаю предвкушать.

Эмюс стоял неподвижно, продолжая стискивать зубы. Он не проронил ни слова, но кровь в его жилах словно застыла. Отчаяние — вещь пострашнее смерти: пульс бьется, дыхание есть, но воля разрушена, а сердце мертво. Его пальцы стали ледяными, он даже не чувствовал боли от ногтей, впивающихся в ладони. В глубине его темно-синих глаз смешались чувства, но, стоило ему о чем-то подумать, как там вновь воцарилась мертвая тишина. Эмюс не видел выхода.

Скатило с наслаждением наблюдал, как из него уходит последняя искра жизни, и в его алых глазах наконец проступило явное удовольствие.

— Похоже, ты прекрасно понимаешь свое положение.

Он неспешно подвел итог, тон был таким легким, словно обсуждали погоду.

— Прекрасно.

Он развернулся и направился в угол допросной, где стоял прибор со множеством проводов. Это была главная причина, по которой Скатило привел Эмюса сюда. Он ловко произвел несколько манипуляций, прибор тихо загудел, и на его конце загорелся зловещий синий свет.

— Итак, прежде чем ты насладишься своим новым будущим, нам нужно провести небольшую... подготовительную работу.

Скатило стоял спиной к Эмюсу, его голос звучал с мертвенным безразличием.

— Давай, генерал, садись сюда.

Он указал на холодное металлическое кресло в центре комнаты. Эмюс не шелохнулся. Он знал, что это такое: устройство для подавления феромонов и активации желез, часто используемое аристократами для строптивых военных, чтобы усилить удовольствие самца. Оно временно «активирует» железы, усиливая выброс феромонов, но вместе с тем приносит невыносимую боль и чувство глубочайшей слабости. Для Эмюса это было высшим унижением.

— Чего ты, в конце концов, хочешь?

Скатило медленно обернулся, глядя на Эмюса, который по-прежнему стоял на месте, и его алые глаза, казалось, были готовы поглотить собеседника целиком.

— Я хочу, чтобы ты... не жил, но и не мог умереть.

...

Эмюс не помнил, сопротивлялся ли он. Но отчетливо помнил, что сопротивление не имело смысла. Он помнил, как его силой усадили в кресло, как ледяной металл сквозь тонкую робу впился в кожу. Автоматические ремни выскочили из спинки и подлокотников, с щелчком зафиксировав его запястья, лодыжки и поясницу. Помнил, как Скатило подошел с тем самым прибором, излучающим синее сияние. Он встал за спиной Эмюса, глядя сверху вниз на его бледную, хрупкую шею и все еще воспаленную железу.

— Может быть немного... неприятно.

В голосе Скатило не было ни капли извинения, лишь крайняя степень удовольствия.

— Потерпи, скоро все закончится.

...

Весь процесс длился неизвестно сколько. Для Эмюса он тянулся целую вечность. Когда Скатило наконец убрал датчик, Эмюс был почти без сознания. Он обмяк в кресле, часто дыша, пропитанный холодным потом, словно его только что вытащили из воды. В затылке пульсировало жжение, онемение и непрерывная тупая боль, а феромоны, которые раньше он мог удерживать под контролем, теперь пришли в полный хаос. Бескрайняя слабость окутала его, даже пошевелить пальцем стало невероятно трудно.

Скатило с удовлетворением смотрел на данные прибора.

— Эффект неплохой.

Он прокомментировал это и кивнул тюремщику, чтобы тот расстегнул ремни.

— Теперь ты пахнешь гораздо «аппетитнее».

Когда Эмюса грубо подняли с кресла, его ноги подкосились. Темно-синие глаза смотрели перед собой, не фокусируясь, они были пустыми, и сам он казался лишь пустой оболочкой. Скатило махнул рукой.

— Отведите его обратно.

Он отдал приказ тюремщику, тон снова стал сугубо деловым.

— Следите за ним. С сегодняшнего дня его уровень защиты отменяется. Пока он не отдал

концы, остальное... пусть делают что хотят.

Последнюю фразу он произнес, глядя прямо на Эмюса, и в его алых глазах светились неприкрытое отвращение и предвкушение. Тюремщик молча кивнул, подхватил Эмюса, который уже не мог идти самостоятельно, и потащил его к выходу. Тяжелая металлическая дверь снова открылась и медленно закрылась, отсекая довольный и жестокий взгляд Скатило.

В коридоре пахло ледяным воздухом. Эмюса волокли обратно; сознание плыло, тело словно проваливалось в бездну, превращаясь в гнилую грязь. Неизвестно, сколько времени прошло, они, кажется, покинули центральную зону тюрьмы и вошли в шахты за пределами блоков для цы-чунов. В какой-то момент, при повороте за угол, до них донесся шум и гам.

— ...Ваша милость! Сюда, прошу! Здесь чисто! — прозвучал особенно льстивый голос.

— Убирайтесь, не загораживайте путь господину!

— Слышал, вы только что закончили вторичную дифференциацию, если что-то нужно, только прикажите...

Эмюс дернулся, с трудом приподнимая тяжелые веки. В затуманенном взгляде он увидел фигуру, окруженную несколькими полукровками и заключенными низкого ранга, которая лениво прислонилась к каменной стене. Черные волосы под светом ламп тускло поблескивали. На красивом, жестком лице читалось нетерпение и высокомерие, он небрежно оттолкнул полукровку, пытавшуюся подойти слишком близко.

Это был Се Ижань. Он, похоже, только что вернулся с прогулки и собирался обратно в блок для самцов. Сердце Эмюса почему-то замерло. Почти инстинктивно он хотел опустить голову, спрятаться, лишь бы тот не увидел его в таком жалком, растрепанном виде, как сломанную куклу.

Однако в тот самый миг, когда он попытался отвернуться —

Се Ижань словно что-то почувствовал, и его темно-зеленые глаза равнодушно скользнули в сторону. Взгляд пронзил шумный коридор, прорезал ночную тьму и точно наткнулся на Эмюса, которого вели тюремщики. Бледный как полотно, промокший и изможденный.

Нетерпение на лице Се Ижана мгновенно застыло. Полчаса назад он вышел прогуляться, не выдержав тесноты и монотонности своей камеры, но на обратном пути его окружила толпа назойливых цы-чунов. Он никак не ожидал увидеть здесь Эмюса. И тем более не ожидал увидеть его таким.

Его взгляд пробежал по обмякшему телу и невидящим глазам Эмюса. Вспомнив утренние проклятия, сжатые зубы и гнев, горевший в этих глубоких синих глазах, он замер. В глубине

его темно-зеленых зрачков что-то ленивое быстро отступило, уступив место едва уловимому колебанию, которое он сам не осознал. Словно камень упал в спокойное озеро, вызвав легкую рябь.

Он оттолкнул докучавшую ему полукровку и выпрямился. Их взгляды на мгновение встретились: один — полный бездонной, мертвой безнадежности, другой — внезапно возникшего, темного и неясного любопытства. Затем Эмюс, словно обожженный этим взглядом, из последних сил опустил ресницы, скрываясь в тени.

Тюремщик, ничего не заметив, продолжал грубо тащить его вперед. Се Ижань стоял на месте, глядя на удаляющуюся, такую тонкую и хрупкую спину, и его брови едва заметно дрогнули. Кончики пальцев непроизвольно сжались.

В воздухе повеяло отчетливым запахом... разбитой туберозы. Се Ижань внезапно почувствовал, что ему стало очень неприятно. И это чувство было... чертовски неприятным.

<http://bllate.org/book/20340/2032361>